

неубѣдительны; реакція на морфій индивидуальна. Докладчикъ отвѣчалъ: приведенныя эксперименты только иллюстрируютъ докладъ, а не базируютъ его *В. А. Тер-Аветисова*: аспиринъ и кофеинъ въ нѣкоторыхъ изъ случаевъ оппонента давали результатъ одинаковый съ морфіемъ; случай докладчика незаконченный. Докладчикъ отвѣчалъ: лично онъ у 2 больныхъ съ морфійной лихорадкой не наблюдалъ эффекта отъ жаропонижающихъ; его больной выписался въ періодъ абстиненціи.

О. Б. Фельцманъ: лихорадка наблюдается весьма часто на высотѣ злоупотребленія тѣмъ или другимъ ядомъ (алкоголемъ, бромомъ и т. д.); „голубиный морфинизмъ и голубиная абстиненція“ для оппонента не убѣдительны. Докладчикъ отвѣчалъ: отравленія, о коихъ говоритъ оппонентъ, должны относиться къ острымъ, а не къ хроническимъ; кривыя голубя приведены для иллюстраціи физиологическаго — жаропонижающаго дѣйствія морфія. *П. А. Вырубовъ*: спрашиваетъ, пробывалъ ли докладчикъ инъекціи дистиллированной воды, что въ случаяхъ морфійнаго голода даетъ также эффектъ. Докладчикъ отвѣчалъ: больная не знала о пониженіи дозы морфія; инъекціей дистил. воды онъ не дѣлалъ. *В. К. Хорошко*: указываетъ на сложность вопроса о лихорадкѣ при морфинизмѣ и на необходимость дифференцировать съ истерической гипертерміей, и на важность попытки подойти къ разрѣшенію вопроса экспериментальнымъ путемъ.

А. А. Суховъ

РЕЦЕНЗІЯ.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Толкованіе сновидѣній. Москва. 1913. Изд. Соврем. Пробл. Переводъ съ 3 нѣм. изданія. Ц. 3 р.

Для психоаналитической теоріи *Фрейда* сновидѣнія являются ключемъ и м. б. лучшимъ ключемъ къ таинственному замку фобій, абсессій и даже бредовыхъ идей.

Уже одно это заставляеть и психіатра, и невропатолога съ особеннымъ интересомъ отнестись къ книгѣ, трактующей столь важный вопросъ.

Въ 1-й главѣ авторъ даетъ содерженіе научной литературы по вопросу о сновидѣніяхъ до 1900 г.; авторъ находитъ (стр. 78) что „последнѣе десятилѣтіе не принесло ничего новаго и цѣннаго въ этой области“; любопытенъ здѣсь личный моментъ: „моя работа осталась безъ упоминанія въ большинствѣ другихъ научныхъ трудовъ...., если въ наукѣ существуетъ право на реваншъ, то я имѣю полное право и съ своей стороны пренебрегать литературой, появившейся съ момента изданія моей книги“.

Оставляя въ сторонѣ скорѣе фізіологическую проблему сна и литературу этой проблемы, авторъ даетъ детальное изложеніе спеціально психологической литературы отдѣльныхъ вопросовъ области сновидѣнія, по отдѣльнымъ пунктамъ: 1) Отношеніе сновидѣнія къ бодрствованію, 2) матеріаль сновиденія, 3) источники его: внѣшнее чувственное раздраженіе, внутреннее чувственное раздраженіе, внутреннее фізическое раздраженіе, чисто психическіе источники раздраженія; 4) почему человекъ забываетъ сновидѣнія по пробужденію, 5) психологическія особенности сновидѣній, 6) моральное чувство въ сновидѣніи, 7) теоріи сновидѣнія и функціи его, 8) отношенія сновидѣній и психозовъ.

Переходя къ методу толкованія сновидѣній, авторъ говоритъ, что онъ задался цѣлью показать, что сновиденія доступны толкованію; а истолковать сновидѣніе — значитъ раскрыть его „смыслъ“, замѣнить его тѣмъ, что въ качествѣ полноправнаго и полноцѣннаго звѣна можетъ быть включено въ общую цѣпь нашихъ душевныхъ процессовъ; онъ отвергаетъ, какъ ненаучные методы расшифровыванія нѣсколькими ключами и символизациіи, какъ они понимались раньше..

Самъ онъ подходитъ къ сновидѣнію не какъ къ цѣлому во всемъ его объемѣ; онъ разбиваетъ его на части и изучаетъ каждую отдѣльно, стараясь пайти подъ явнымъ содержаніемъ сновидѣнія — скрытый его смыслъ; путемъ подробнаго психологическаго анализа матеріала сновидѣнія (большей частью собственныхъ сновидѣній автора) онъ приходитъ къ основному заключенію, которое онъ считаетъ безспорно доказаннымъ: сновидѣніе по содержанію своему осуществляетъ желанія; одно это дѣлаетъ его полноцѣннымъ психическимъ явленіемъ; строится сновидѣніе при помощи необыкновенно сложной интеллектуальной дѣятельности.

Онъ ставитъ, далѣе, рядъ вопросовъ: откуда причудливая форма сновидѣнія, какія измѣненія терпитъ мысль, превращаясь въ сновидѣніе, гдѣ берется матеріаль его, и т. д. Основную черту: сновидѣніе изображаетъ желаніе въ его осуществленной формѣ,—онъ считаетъ типичнымъ и обязательнымъ для всякаго сновидѣнія; онъ считаетъ это настолько яснымъ, а главное частымъ фактомъ, что удивляется, почему языкъ сновидѣнія до сихъ поръ кажется такимъ непонятнымъ.

Онъ приводитъ, рядъ довольно убѣдительныхъ, особенно въ виду ихъ бапальности, примѣровъ: послѣ соленого ужина снится, что пьютъ; menses въ сновидѣніи у женщинъ, опасующихся беременности; еще ярче и типичнѣе въ простыхъ сновидѣніяхъ у дѣтей: послѣ прерванной прогулки по озеру, вызвавшему восхищеніе ребенка—ему снится ночью продолженіе этой прогулки до опредѣленнаго ранѣе назначеннаго но недостигнутаго пункта.

Анализъ цѣлаго ряда очень сложныхъ сновидѣній приводитъ автора къ отвѣту на возраженіе, напрашивающееся по поводу его основного утвержденія: важнымъ образомъ неприятныя и страшныя сновидѣнія могутъ быть осуществленіемъ желаній; съ другой стороны онъ самъ ставитъ вопросъ: Почему индифферентныя по содержанію сновидѣнія, оказывающіяся послѣ толкованія осуществленіями желаній, не обнаруживаютъ съ очевидностью этого своего смысла.

Отвѣтомъ на это служитъ слѣдующее предположеніе автора: въ сновидѣніи играютъ наиболѣе видную роль двѣ психическія силы, изъ которыхъ одна образуетъ желанія, проявляющіяся въ сновидѣніи, другая же совершаетъ функціи цензуры и благодаря этой цензурѣ способствуетъ искаженію этого желанія: мысли скрытыя въ сновидѣніи, не сознаются человѣкомъ до апализа, между тѣмъ какъ явное содержаніе сновидѣнія, проистекающее изъ скрытыхъ мыслей, сознательно вспоминается; вторая сила—сила цензуры и проявляется въ допущеніи къ сознанію только того, что цензуровано; неприятное сновидѣніе дѣйствительно содержитъ нѣчто неприятное для цензуры, но осуществляющее желанія первой инстанціи.

Коротко авторъ формулируетъ это т. образомъ: сновидѣніе представляетъ собою (скрытое) осуществленіе (подавленнаго, вытѣсненнаго) желанія.

Страхъ въ сновидѣніи (какъ и въ неврозахъ—) по автору проистекаетъ изъ сексуальной жизни и соотвѣтствуетъ подавленной, неудовлетворенной *libido*, ergo: сновидѣнія страха суть сновидѣнія съ сексуальнымъ содержаніемъ: *libido* превращается подъ вліяніемъ цензуры въ страхъ.

Вопросъ о матеріалѣ и источникахъ сновидѣнія авторъ разрѣшаетъ слѣдующимъ образомъ: онъ констатируетъ прежде всего, что сновидѣніе, (какъ это отмѣчено многими авторами до него)—отдастъ предпочтеніе впечатлѣніямъ предыдущихъ дней, что оно производитъ подборъ (вспоминаетъ) незначительное и второстепенное (въ противоположность бодрствующей памяти) и что въ распоряженіи сновидѣнія находятся воспоминанія (часто детальныя) дѣтства.

Самъ авторъ полагаетъ, что каждое сновидѣніе вызывается впечатлѣніями, непременно имѣвшими мѣсто въ предыдущій день и то, что занимаетъ члѣовѣка днемъ, владѣеть мышленіемъ и въ сновидѣніи.

Источникомъ сновидѣнія можетъ быть одно или нѣсколько „свѣжихъ“ и „цѣпныхъ“ переживаній, а) прямо передаваемыхъ въ сновидѣніи, б) заменяемыхъ одновременнымъ, но безразличнымъ переживаніемъ; или же внутреннее „значительное“ переживаніе замѣщается въ сновидѣніи „свѣжимъ но безразличнымъ“ впечатлѣніемъ. Сновидѣніе нерѣдко представляется многочисленнымъ: раскрываются нѣсколько осуществленныхъ желаній изъ которыхъ одно покрываетъ другое; сновидѣніе перерабатываетъ въ осуществленіе желанія.

Въ согласіи съ другими авторами *Фрейдъ* считаетъ частымъ источникомъ скрытаго содержанія сновидѣній переживанія дѣтства; онъ полагаетъ даже, что если каждое сновидѣніе въ своемъ очевидномъ содержаніи связано со свѣжими переживаніями—то скрытое содержаніе обнаруживаетъ связь съ дѣтскими („болѣе ранними“) переживаніями, которыя могутъ оставаться свѣжими до послѣдняго дня. Что касается соматическихъ раздраженій какъ матеріала сновидѣнія—то они цѣпны тѣмъ, что они „живы“; онѣ тоже пе-

перерабатываются, перерабатываются въ осуществленныя желанія.

Авторъ находитъ, что существуетъ цѣлый рядъ сновидѣній, которыя испытываются каждымъ въ совершенно одинаковой формѣ и проистекаютъ, повидимому, изъ одного источника. Эти сновидѣнія онъ называетъ „типическими“.

Сюда относятся сновидѣнія обваженности, имѣющія корни въ воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ, и сновидѣнія о смерти близкихъ, если таковое сопровождается горькимъ чувствомъ утраты; корень послѣднихъ тоже въ переживанія ранняго дѣтства, когда, по утверженію автора, рѣзко выраженный безсознательный эгоизмъ ребенка диктуетъ ему нерѣдко желаніе смерти ближняго.

Типичны также сновидѣнія экзаменовъ, зубной боли, летанія въ воздухѣ, паденій и т. п. Большинство типическихъ сновидѣній взрослыхъ имѣютъ по убѣжденію автора въ своей основѣ сексуальный характеръ и даютъ выраженіе эротическимъ желаніямъ, въ то время какъ явное содержаніе сновидѣнія не раскроетъ никогда сексуальнаго характера; для толкованія этихъ, какъ и другихъ сновидѣній, необходимо пониманіе общепринятой символикы (мифовъ, пословицъ и т. д.).

Авторъ указываетъ и наиболѣе частые символы: Король и королева—родители спящаго, принцъ—онъ самъ; всѣ продолговатые предмѣты (палки, деревья, зонты) длинныя и острыя орудія (ножи и т. п.) изображаютъ мужскія genitalia; коробки, комваты, ящики, шкафы, печки—genitalia женщинъ. Лѣстницы, подъемъ по нимъ и сходженіе—coitus; женская шляпа—genit. мужчины, также галстукъ; возня съ ребенкомъ—masturbatio и т. д.

Въ доказательство авторъ даетъ анализъ нѣсколькихъ сновъ своихъ пациентовъ.

Въ дѣятельности сновидѣнія авторъ усматриваетъ нѣсколько отдѣльныхъ процессовъ, помощью анализа которыхъ онъ добываетъ изъ скрытаго содержанія сновидѣнія его разрѣшеніе; онъ смотритъ на сонъ, какъ на ребусъ-безсмыслицу при чтеніи вѣншаго содержанія и полный иногда глубокаго смысла при замѣнѣ каждаго его элемента соотв. слогомъ или словомъ процессы эти: сгущеніе, при которомъ изъ нѣсколькихъ

видѣнныхъ лицъ (имен. событій) составляется, напр., одно коллективное лицо, (имя, событіе) и процессъ передвиганія, съ помощью которыхъ изъ малоцѣнныхъ элементовъ создаются путемъ искаженія и цензуры новыя цѣнности, появляющіяся въ содержаніи сновидѣнія; логическая связь передается въ формѣ одновременности, причинная связь передается или такъ, что причина является предварительнымъ сновидѣніемъ, а послѣдствіе вторичнымъ, или одно лицо или событіе превращается въ другое; сходство и общность—соединяются въ одно цѣлое; для всѣхъ сновидѣній характерна абсолютная эгоистичность. Интенсивнѣе выражены элементы, которыми осуществляется желаніе, которые больше сгущены.

Сновидѣніе не предполагаетъ никакой символизирующей дѣятельности души, а пользуется символами, имѣющимися въ готовомъ видѣ въ бессознательной области мышленія; сновидѣніе не занимается также математическими выкладками правильными или неправильными; оно располагаетъ лишь въ формѣ ариметическихъ дѣйствій числа, имѣющіяся въ мысляхъ, какъ матеріаломъ для осуществленія своихъ намѣреній; въ доказательство авторъ даетъ массу примѣровъ, изъ которыхъ я приведу одинъ, въ виду его краткости: городскому спитъ, что къ нему подходит инспекторъ, на воротникѣ котораго стоитъ цифра 2262 или 2226. При анализѣ сна и цифръ оказывается, что наканунѣ онъ бесѣдовалъ съ сослуживцами о 62-лѣтнемъ инспекторѣ, вышедшемъ въ отставку съ пенсіей въ 90⁰/₀. Во снѣ осуществлялось желаніе такой пенсіи, при чемъ онъ самъ служилъ 22 года и до пенсіи ему оставалось служить 2 г. и 2 мѣсяца.

Аффекты остаются въ сновидѣніи неизмѣненными, и это часто указываетъ правильный путь къ толкованію. Авторъ полагаетъ, что въ образованіи сновидѣній цензура принимаетъ безусловно постоянное участіе, подвергая матеріалъ постоянной вторичной обработкѣ.

При образованіи сновидѣній душевная дѣятельность идетъ въ двухъ направленіяхъ а) составленіе мыслей, скрывающихся за сновидѣніемъ, и б) превращеніе этихъ мыслей въ содержаніе его; первый процессъ по существу обычный процессъ составленія мыслей и къ сновидѣнію, какъ таковому отношенія не имѣетъ; второй процессъ рѣдко качественно отличенъ отъ бодрственнаго мышленія: это преобразующая ра-

бота, продуктомъ которой является сновидѣніе: здѣсь цензура; передвижаніе психической интенсивности до полной переоцѣнки психическихъ цѣнностей и сгущеніе.

Интересно отношеніе автора къ вопросу о забываніи сновъ. Онъ предвидитъ возраженіе, что все толкованіе сновидѣній попросту не имѣетъ смысла, потому что мы его не знаемъ: всякому извѣстно, что воспоминаніе о сновидѣніи крайне неполно, искажено памятью можетъ быть настолько, что какъ разъ важнѣйшія его части исчезли.

Авторъ отвѣчаетъ на это какъ вполне послѣдовательный детерминистъ-психологъ: само искаженіе сновидѣнія при его передачѣ есть ничто иное, какъ часть обработки которой, благодаря цензурѣ закономѣрно подвергаются мысли, скрывающіяся за сновидѣніемъ; модификація сновидѣнія при разсказѣ его содержанія отнюдь не произвольна, а также детерминирована и, конечно, также поддается обработкѣ и толкованію, какъ болѣе глубокія искаженія, произведенныя въ самомъ сновидѣніи.

Анализируя процессъ забыванія, авторъ приходитъ къ выводу, что забываніе есть ничто иное, какъ сопротивленіе, и что по существу здѣсь нѣтъ забыванія, а есть оттѣсненіе въ бессознательную область. Изложенное указываетъ съ достаточной ясностью, что авторъ книги, смѣло затронулъ одинъ изъ самыхъ неразработанныхъ отдѣловъ фізіологіи и психологіи, разрабатываетъ его вполне оригинально; далеко не всегда можно согласиться съ выводами автора; зато необходимо признать всегда интереснымъ ходъ его мысли и самую постановку вопроса. А. III.